

РОЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В КОНСТРУИРОВАНИИ ПАМЯТИ ФРАНЦУЗОВ О ПОХОДЕ В РОССИЮ В 1812 ГОДУ

В начале XIX в. Россия еще оставалась малоизвестной для европейцев страной, путешественники из Европы не часто имели возможность исследовать различные уголки империи. Собранные накануне войны 1812 г. французской разведкой материалы по географии России, в сочетании с собственными впечатлениями участников похода, легли в основу представления французов о роли географических факторов в поражении Наполеона в России. В статье анализируются механизмы взаимодействия сведений из литературы, аналитических материалов разведки и источников личного происхождения при формировании исторической памяти о войне 1812 г. во Франции.

Ключевые слова: *Отечественная война 1812 г., общественное мнение, география России, представления народов друг о друге, Наполеон*

На протяжении XVIII – начала XIX в. в Европе было опубликовано значительное число сочинений различного жанра, посвященных российскому государству, отдельным монархам, географии и природе России, ее населению¹. Благодаря распространенной в Европе моде на французскую литературу, искусство и философские идеи, именно французские авторы играли важную роль в формировании европейских представлений о России. Философы, дипломаты и литераторы эпохи Просвещения создали две конкурирующие концепции изображения России. Дипломаты и государственные деятели чаще описывали Россию исходя из потенциальной угрозы, которая могла от нее исходить по отношению к интересам Франции. Тогда как влиятельные авторы философско-литературных произведений положили начало формированию т.н. «русского миража», весьма популярного в середине – второй половине XVIII столетия². В борьбе этих двух концепций постепенно все большую популярность набирали негативные по отношению к России картины и эта тенденция заметно усилилась в период Французской революции и Первой империи из-за регулярно происходивших прямых столкновений двух стран на полях сражений³.

Революционные события конца XVIII – начала XIX в. катализировали во многих европейских странах процессы национального строительства. Для общества внутри Франции это был очень значимый период в процессе самоопределения и самопознания, формирования новой

¹ См. об этом: Вульф 2003.

² Подробнее см.: Lortholary 1951.

³ Промыслов, Прусская, Митрофанов. 2015. С. 346-347.

постреволюционной идентичности. Всякое самопознание связано со сравнением себя и «Другого»; для многих европейских стран важным конституирующим «Другим» в силу различных причин уже в XVIII в. стало российское государство, и во многом оно до сих пор сохраняет эту роль. При описании других стран авторы всегда делают акцент на специфических чертах и отличиях от своего народа и страны⁴. Отличия России от европейских государств, в первую очередь Франции, часто выражались через описание необычного климата и географических характеристик империи царей, которые часто связывали с более низким уровнем развития цивилизации. События похода Наполеона 1812 года дали богатейший материал для формирования представлений французов о России благодаря множеству газетных публикаций, иных пропагандистских материалов, данных разведывательных служб, а также частной переписке и мемуаров участников похода. И в памяти об этой кампании особенности российской географии и климата стали играть одну из ключевых ролей в оправдании поражения Наполеона.

Подготовка к кампании против России велась Наполеоном более года. Современные исследователи утверждают, что император французов принял окончательное решение о необходимости войны с Александром I в октябре 1810 г., рассчитывая завершить подготовку к марту 1812 г.⁵ За это время были мобилизованы ресурсы многих европейских государств: собраны резервы войск, провиант, фураж, велся активный сбор информации о территории будущего театра военных действий. Была подготовлена и отпечатана на французском языке весьма подробная для того времени карта Российской империи⁶.

Сбор информации о России начался с октября 1810 г. по указанию Наполеона. Единой разведывательной службы во Франции в тот момент не было. Агентурной работой занимались несколько разведцентров: в Варшаве им руководил будущий историк Л.П.Э. Биньон, в Данциге – генерал Ж. Рапп, в Северной Германии (Гамбург) – маршал Л.Н. Даву. В декабре 1811 г. бюро Биньона получило конкретные задачи – военная разведка, перлюстрация и перевод перехваченных бумаг, допрос перебежчиков⁷. Кроме того, Биньон должен был собрать информацию не только о приграничных районах, но и обо всех территориях вдоль главных дорог от Вильно на Петербург и Москву. Все данные из посольств поступали в МИД, где был создан информационный отдел

⁴ О роли образа «Другого» в процессе формирования наций см.: Репина 2012.

⁵ Земцов 2017. С. 19.

⁶ Подробнее о подготовке французской карты см.: Ададунов 2011. С. 21-42; Безотосный 2004. С. 190-202; Попов 2010. С. 100-118.

⁷ Безотосный 2004. С. 40-41.

(Бюро внешней статистики) для систематизации и анализа сведений об иностранных армиях. Во главе отдела стоял Л.Ф. Лелорнь д'Идевиль, который имел большой опыт разведывательной деятельности в Пруссии и России и к тому же владел русским языком⁸. Он же осуществлял поиск информации по архивам французского МИД. Одновременно, французские посольства в других странах собирали сведения о России.

Помимо информации исключительно военного характера собирались также топографическая и статистическая информация о российских губерниях, на территории которых потенциально могли вестись боевые действия. При подготовке сводных материалов⁹ их авторы активно использовали географические описания Российской империи, опубликованные в Германии и России¹⁰. Печатными источниками при подготовке сведений пользовались не только сотрудники в Париже, но и находившийся в Варшаве Биньон, которому не хватало проверенных данных от агентов¹¹. В этих материалах, представленных в виде больших таблиц и рукописных тетрадей, наряду с топографической и статистической информацией, можно найти размышления авторов об истории России в целом и отдельных ее провинций, описания быта и нравов проживающих здесь народов.

Обязательной частью тетрадей, посвященных отдельным губерниям или более крупным регионам, был раздел о климате. Правда информация представлена в разных тетрадях весьма неравноценно. Так, для Эстляндии со ссылкой на многолетние наблюдения указаны температурные минимумы и максимумы за год и в целом климат характеризовался как «умеренный и здоровый»¹². Погода в Курляндии была описана более схематично: «Климат хороший, но суровый... может быстро переходить от жары к холоду и от холода к жаре. Часты дожди и туманы»¹³. Эта информация не могла ответить, например, на такой важный вопрос: в каком месяце может понадобиться французским солдатам зимняя форма. В объемной тетради по Лифляндской губернии уже довольно точно указано время прихода зимы: «Зима начинается с приближением ноября и продолжается до марта. Иногда холода бывают и в апреле... Снег начинает идти часто в октябре, а иногда даже в

⁸ Безотосный 2004. С. 39.

⁹ Один из наиболее полных комплексов материалов по России, подготовленных французской разведкой накануне войны отложился в архиве военного ведомства: SHD DAT, Фонд 1М. Картоны 1488–1489. Копии этих же материалов можно найти также и в других архивах Франции и России.

¹⁰ Важными источниками сведений о российских губерниях стали: Ehrmann 1807; Hassel 1809; Petri 1809; Storch 1795; Storch 1797–1803; Георги 1799.

¹¹ См.: Промыслов 2013. С. 195–210; Михайлова, Промыслов 2015. С. 64–80.

¹² SHD DAT. M1. 1488. Statistique de Gouvernement d'Esthonie. P. 1–2.

¹³ SHD DAT. M1. 1488. Statistique de Courlande. Tableau topographique. P. 1.

сентябре. Но он быстро тает и потому дороги, на которые уже выпалал снег, нельзя использовать до конца ноября или даже начала декабря»¹⁴.

Очень подробные и точные данные о климате содержались в тетради о Московской губернии. Со ссылкой на труды побывавшего в Москве в 1790–1791 гг. немецкого исследователя Э. Вихельхаузена¹⁵ авторы указали число солнечных и дождливых дней в году и описали традиционный режим ветров на протяжении года¹⁶. Относительно невысокое количество солнечных дней, как полагали авторы, задерживало развитие цивилизации в регионе, что опять-таки соответствовало теориям, увязывавшим климат и уровень развития цивилизации. В материалах о Московской губернии указывались также минимальные (–21 градус по шкале Реомюра) и максимальные (+24 градуса) температуры в году, упомянув о случаях экстремальной жары (до 27 градусов), а также чрезвычайных морозов (от 30 до 32 градусов), при которой начинала замерзать ртуть¹⁷. При этом утверждалось, что холода в Москве слабее, чем в Петербурге, но сильнее, чем в западных странах, которые находятся на той же широте. Зима, по мнению авторов, длится в Московской губернии с 15 ноября по 15 апреля, и всего за год насчитывается до 160 дней с отрицательными температурами. «Зима дает себя почувствовать в конце октября длинными сумерками. Реки начинают замерзать в середине ноября. Ледяной покров достигает 24–33 дюймов и более плотный здесь, чем в других регионах, так что может выдерживать пушки. Снег выпадает уже в октябре. Однако только в первые месяцы нового года зима становится необычайной для жителей южных стран. Потепление начинается в середине апреля, в редких случаях – в конце марта. Жара летом здесь вполне сравнима с погодой в самых южных странах Европы»¹⁸. Украинский исследователь В.В. Ададуrow в опубликованной в 2017 г. монографии утверждает, что «эта статистическая информация послужила важнейшим источником формирования представлений французов о Российской империи»¹⁹. Однако автор не приводит документальных подтверждений того, что эти материалы получили широкое распространение среди командования и офицеров среднего звена Великой армии. Скорее всего, можно говорить о том, что сами эти материалы были созданы в рамках определенных традиций изображения России и ретранслировали эти представления распространив их вширь и дополнительно актуализировав.

¹⁴ SHD DAT. M1. 1488. Gouvernement de Righa ou de Livonie (2, 78 p.). P. 5–6.

¹⁵ Wichelhausen 1803.

¹⁶ SHD DAT. M1. 1488. Gouvernement de Moskva, P. 6.

¹⁷ SHD DAT. M1. 1488. Gouvernement de Moskva, P. 9.

¹⁸ SHD DAT. M1. 1488. Gouvernement de Moskva, P. 10–11.

¹⁹ Ададуrow 2017. С. 150.

Поражение Наполеона в России произвело на Европу сильное впечатление, и потому объяснить его причины было для императора французов очень важно, поскольку война не закончилась в 1812 г. и ему необходимо было удерживать союзников и вдохновить на новые жертвы население Франции²⁰. Основу легенды о победе морозов над Наполеоном заложил 29-й бюллетень Великой армии, направленный из России в начале декабря. Позднее, в сочинениях, продиктованных в ссылке, он еще раз повторил и развернул данный тезис.

До начала боевых действий у участников похода не было недостатка в источниках информации о климатических особенностях будущего театра военных действий. Многие авторы, которые писали о России в XVII–XVIII вв., указывали на то, что зимы здесь холоднее, чем в большинстве европейских стран. Немало внимания особенностям российской погоды уделяла французская пресса, которая на рубеже XVIII и XIX вв. наряду с вполне реалистичными описаниями текущей погоды в России (например, ежегодно газеты писали о ледоставе на Неве, Западной Двине и некоторых других реках) довольно часто публиковала стереотипные байки о том, что в этой стране птицы замерзают прямо на лету²¹, а от чрезвычайных морозов гибнет значительное число людей²². Подобные описания не были исключительной привилегией России. Французские газеты начала XIX в. любили публиковать сообщения о необычных холодах, чрезвычайных снегопадах и иных климатических чудесах в разных странах, которые во Франции традиционно называли северными. Кроме России аналогичные сообщения в изданиях эпохи Наполеона можно найти о Польше, Пруссии, Швеции и Дании. По большей части сообщения об ужасах северной погоды носили развлекательный характер, и только в 1812 г. погода была объявлена ключевым действующим лицом кампании в России.

Распространенное представление о России как о пустынной стране с ужасным климатом использовалось наполеоновской пропагандой при описании Российской империи во время кампании 1812 г. в зависимости от сиюминутных потребностей. На протяжении большей части похода, материалы, упоминавшие погодные условия в России, должны были корректировать или даже опровергать представление об ужасном российском климате. Однако при необходимости французская пропаганда оживляла это глубоко укоренившееся представление, но не акцентировало внимание на описаниях подробностей. Подобная тенденция обозначилась еще перед началом войны, однако более всего проявилась во второй половине 1812 г. уже в ходе боевых действий.

²⁰ Тартаковский 1967. С. 188.

²¹ *Moniteur*. N 81. 1811. 22 mars.

²² *Moniteur*. N 97. 1811. 7 avril.

Климатические стереотипы прежних эпох использовались наполеоновской пропагандой в тех ситуациях, когда необходимо было подтвердить превосходство Франции. В первые месяцы войны французские газеты активно включились в «войну перьев», выступая с опровержениями русских пропагандистских листовок. Например, в листовке, обращенной к русским солдатам, нужно было создать в целом отрицательный образ России, и потому «французские гренадеры» гневно отвергли предложение переселиться в империю Александра I. Они отказывались покидать «нашу замечательную страну ради вашего ужасного климата»²³. Похожие слова были вложены и в уста «немца», отвечавшего на листовку Баркляя де Толли²⁴.

Но гораздо больше усилий тратилось на преодоление подобных представлений в общественном сознании, так как необходимо было успокоить родственников сотен тысяч французских солдат, воевавших в далекой России. Пропаганда в этом отношении работала по двум направлениям: во-первых, французов старались убедить, что армия снабжена всем необходимым и никакие погодные явления ей не страшны, а во-вторых, что российский климат не столь суров, как о нем привыкли думать. Причем император французов убеждал в этом не только жителей Франции и остальной Европы, но проводил ту же точку зрения и в личных беседах со своими приближенными²⁵.

Без упоминаний о погоде в России не обходился практически ни один бюллетень Великой армии. Так в первые месяцы кампании в них неоднократно упоминалась необычайно жаркая погода, установившаяся в России, и даже утверждалось, что в настоящий момент там жарче, чем в Италии²⁶. В сентябре-октябре в бюллетене от 9 октября российскую погоду сравнивали с французской: «Здесь светит солнце и теплее, чем в Париже в это время года. Незаметно, что это север»²⁷. Сообщения, направленные на корректировку традиционных представлений о российском климате, публиковались газетами вплоть до середины ноября²⁸. Однако в конце войны Наполеон вернулся к традиционным климатическим стереотипам о России. В 28-м бюллетене, опубликованном в Париже 29 ноября, сообщалось: «до 6 ноября погода была прекрасной, но 7-го началась зима, и земля покрылась снегом. Дороги стали очень скользкими и труднопроходимыми для тягловых лошадей. Многие из них погибли от холода и усталости, очень много лошадей не пе-

²³ Moniteur. N 220. 1812. 7 août.

²⁴ Moniteur. N 221. 1812. 8 août.

²⁵ См., напр.: Коленкур 1994. С. 219–220.

²⁶ Moniteur. N 231. 1812. 18 août; N 234. 1812. 21 août; N 249. 1812. 5 septembre; N 255. 1812. 11 septembre.

²⁷ Moniteur. N 302. 1812. 28 decembre.

²⁸ Moniteur. N 322. 1812. 17 novembre.

режило ночных бивуаков»²⁹. В знаменитом 29-м бюллетене, повествовавшем о катастрофическом отступлении Великой армии из России, Наполеон утверждал, что начавшаяся практически в одночасье зима стала главной причиной неудачи французов в России.

Несмотря на все собранные разведкой материалы и публикацию в 1811–1812 гг. ряда атласов Российской империи, представления о географии России у большинства французов оставались весьма приблизительными. Перед открытием боевых действий в Европе получили распространение слухи о том, что поход против России может превратиться в более далекое путешествие в направлении Индия или Египта. Капитан О.М. Дюпен в письме отцу (3 декабря 1811 г.) пересказывал слух о том, что из России они могут отправиться в Китай³⁰. Гренадер Дельво дважды писал родителям 18 апреля и 9 июня 1812 г., что армия идет в Индию или Египет, что для него не имело значения, поскольку он любит путешествовать и хочет посмотреть весь мир³¹. Многие авторы воспоминаний подтверждали циркулирование слухов, о том, что поход против России станет началом более далекого путешествия. Бургонь заявлял, что не раз слышал, что армия якобы будет вынуждена отправиться в Монголию и Китай, чтобы захватить местные владения Англии и усилить тем самым Континентальную блокаду³².

Согласно Л. Вульффу, в эпоху Просвещения в Европе был сформулирован концепт Восточной Европы как нецивилизованного, отсталого региона. Не оспаривая концепцию американского историка в целом, сделаем некоторое уточнение по части географических координат. В текстах XVIII в. данный регион, хотя и считался неким единым географическим пространством, связанным общими цивилизационными чертами, но чаще именовался «северным», чем «восточным». В мемуарах участников похода 1812 г. можно найти множество упоминаний о принадлежности покоряемых пространств к северу. По мнению де Ла Флиза, Смоленск был близок к северному полюсу³³, а Бургонь утверждал, что во время скитаний под Березиной ночью ему дорогу освещало северное сияние, которое часто можно видеть в здешних краях³⁴.

По территории Российской империи солдаты Великой армии традиционно проводили ментальную границу между Европой и Азией. Нередко такой границей называли Днепр, который многие авторы пи-

²⁹ Moniteur. N 334. 1812. 29 novembre.

³⁰ Du Niémen à la Bérézina... P. 51.

³¹ Chuquet 1912. T. 1. P. 6.

³² Bourgogne 1910. P. 58.

³³ Ла Флиз де. 2003. С. 24.

³⁴ Bourgogne 1910. P. 137.

сем и мемуаров называли на античный манер Борисфеном³⁵: древнегреческие авторы входили в круг обязательного чтения образованного человека того времени и такое наименование было, возможно, более известным читателям. Дополнительную значимость Днепру как географическому рубежу между варварством и цивилизацией придавало то, что в XVII–XVIII вв. эта река являлась границей между Речью Посполитой и Россией. Поэтому понятна радость О. Боне, достигшего Смоленска после отступления из Москвы: «Мы очень рады оказаться на древних границах Европы. В нескольких лье отсюда – граница Польши. И очень приятно оставить позади эту дьявольскую (infernale) Россию»³⁶.

Граница между Европой и Азией нередко помещалась авторами и в районе Москвы. Бургонь полагал, что, когда армия вышла из Москвы по направлению к Калуге, она сразу оказалась в Азии³⁷. Ц. Ложье вообразил себя на границе Азии, как только увидел Москву с одного из холмов³⁸. В описаниях российских городов можно найти множество характеристик, которые помещали их в контекст Востока. «В Гжатске, как и в Смоленске, и в Вязьме, отчасти случайно, отчасти по татарскому обычаю, базар (bazar) расположен в азиатской части города»³⁹. Таким образом, в одном предложении Сегюр трижды напомнил читателю о восточных чертах страны, в которой он очутился.

Лучшей иллюстрацией переплетения в России азиатских и европейских черт являлась Москва, поскольку в большом количестве обладала и теми, и другими. Награбленные здесь богатства не только свидетельствовали о тесных связях с Востоком, но придавали самому городу восточные черты. Сибирские меха, кашемировые шали и иные товары, которые назывались индийскими или китайскими, напоминали читателю о близости восточных стран. В Москве имелся также китайский город (la ville chinoise), где, по словам Булара, можно было найти китайские товары⁴⁰. Неизгладимое впечатление произвела на участников похода архитектура Москвы. В мемуарах можно найти множество описаний церквей и дворцов. Будущий маршал Каstellан отмечал, что у каждой греческой церкви, которых много сохранилось после пожара было пять или шесть колоколен с золочеными или покрашенными в зеленый цвет куполами⁴¹. Сегюр полагал, что в Москве было 295 церквей, золоченые купола которых производили огромное впечатление на путешественника, 1500 дворцов с садами, а также большой базар, где

³⁵ См., напр.: Chuquet 1912. Т. 2. P. 68, 268; Lettres interceptées... P. 205, 213.

³⁶ Lettres interceptées par les Russes... P. 252.

³⁷ Bourgogne 1910. P. 56.

³⁸ Ложье 2005. С. 101.

³⁹ Ségur 1824. Т. 1. P. 258.

⁴⁰ Очевидно, так Булар перевел название Китай-город. – Boulart 1892. P. 263.

⁴¹ Castellane 1895. Т. 1. P. 158.

продавались товары четырех сторон света⁴². Сержант Куанье полагал, что дворцы занимали половину территории города⁴³.

Многие мемуаристы уже побывали в составе наполеоновских войск в разных странах, но древняя столица России заняла среди покоренных городов совершенно особое место. «Многие столицы, которые я видел, такие как Париж, Берлин, Варшава, Вена и Мадрид, произвели на меня заурядное впечатление, – писал сержант Бургонь, – но здесь [в Москве] все было иначе, здесь я, как и все другие, ощущал что-то магическое». В ожидании вступления в Москву французы, по словам Бургоня, забыли об усталости, бедах и лишениях и могли думать только о предстоящем удовольствии⁴⁴. Подобный настрой перед вхождением в российскую столицу был в первую очередь связан с ожиданием скорого мира, но поскольку мемуары писались через много лет после завершения кампании, это соображение авторы опускали. В результате читатель приходил к заключению, что забыть об усталости позволяло именно магическое впечатление, порожденное одним именем города.

На описания Москвы как в письмах, так и в мемуарах участников похода, большое влияние оказали тексты бюллетеней Великой армии особенно 19-го бюллетеня от 16 сентября. Связано это было с тем, что до начала большого пожара только небольшая часть войск Наполеона получила право квартироваться в городе, тогда как остальные должны были расположиться вокруг него. Во многих письмах можно найти строки о красоте и величии города, который, вслед за бюллетенями, активно сравнивали с Парижем, и иногда это сравнение было в пользу российского города⁴⁵. О значении Москвы для экономики Российской империи также часто упоминалось в переписке. «Этот город является центром торговли всей России» – констатировал генерал Грандо⁴⁶. «Именно здесь – вторил ему Ван Бекоп – находились запасы всей торговли империи с Азией. Здесь было 15000 лавок и складов только материи и фарфора»⁴⁷. Упоминание Азии ставило саму Москву в соответствующий географический контекст, напоминая о том, что вся Россия является отчасти азиатской страной, что объясняет и поведение ее жителей. «Город построен в азиатской манере и включает огромное количество куполов церквей и мечетей,» – писал Проспер своему отчиму⁴⁸.

Территорию Российской империи французы делили на несколько регионов, имевших свою, в т.ч. цивилизационную, специфику. Так, за-

⁴² Ségur 1824. Т. 2. P. 5–6.

⁴³ Coignet 1883. P. 327.

⁴⁴ Bourgogne 1910. P. 13.

⁴⁵ Lettres interceptées... P. 22, 24, 27.

⁴⁶ Lettres interceptées... P. 38–39

⁴⁷ Lettres interceptées... P. 50.

⁴⁸ Lettres interceptées. 1913. P. 150.

падные губернии определялись как Русская Польша или Литва. Этот регион простирался от западных границ России до границ бывшей Речи Посполитой. Г. Роосу Литва показалась лучше устроенной и организованной по сравнению с Герцогством Варшавским, в то время как Ла Флиза песчаные дороги в окрестностях Вильно навели на мысли о египетских пустынях⁴⁹. Большую разницу между старой Россией и Литвой отмечал фон Иелин, хотя в чем именно состояла эта разница, он не пояснил⁵⁰. Особое внимание этому региону в рамках подготовки кампании 1812 г. уделяли офицеры польского происхождения, находившиеся на службе Наполеона. В 1811–1812 гг. император французов получил несколько записок с предложениями по организации восстаний в польских губерниях Российской империи, а также о послевоенном устройстве этих территорий. В сообщениях информаторов французского правительства польские владения России оценивались как находящиеся «в состоянии детства», но имеющие огромный потенциал развития благодаря близости к Европе⁵¹. Сам Наполеон так и не зафиксировал ни в одном документе своего отношения к идее восстановления Польши «от Одера до Днестра» и, судя по всему, не имел никаких определенных планов относительно возможных послевоенных границ России⁵².

Сибирь во многих текстах XVIII – начала XIX в. выступала одновременно и полюсом холода, и полюсом страха. Солдаты Великой армии не дошли до ее границ, но нередко в письмах и мемуарах высказывали опасения, что в случае пленения их могут направить именно туда. Страх отправиться в Сибирь стал дополнительным стимулом для Бургоня сбежать из-под стражи в первую же ночь плена⁵³. По мнению Коленкура, после того как Великая армия вошла на территорию России, «страх кнута и Сибири», распространенный среди местных жителей, не позволял французам добывать сведения о русской армии⁵⁴.

В частной переписке участников похода тема погоды и климата являлась одной из центральных. Ее значение было тем более велико, что многие солдаты и офицеры уже с июня–июля были вынуждены

⁴⁹ Роос 2003. С. 20; Ла Флиз 2003. С. 54.

⁵⁰ Иелин 2003. С. 192.

⁵¹ Ададуров 2011. С. 24.

⁵² Ададуров 2011. С. 23. В современной украинской историографии распространено мнение о наличии у Наполеона каких-то специфических планов относительно Украины и ее возможной судьбы после победы над Александром I, однако основанные на архивных документах исследования показывают, что подобные заявления являются элементом национальной мифологии. Подробнее см.: Ададуров 2007; Захарчук 2011. С. 72-91.

⁵³ Bourgne 1910. P. 300.

⁵⁴ Caulaincourt 1933. T. 1. P. 412.

ночевать под открытым небом. С конца же сентября тема погоды становится одной из самых популярных, поскольку приближалась зима, а армия в этот момент находилась в Москве и могла воспользоваться запасами продовольствия и теплой одежды, которые сохранились даже после пожара. Лейтенант Ф.Ш. Лист писал 22 сентября, что уже несколько дней идут дожди и скоро должны начаться заморозки, а потому он должен заняться приготовлением к неудобствам здешнего сурового климата⁵⁵. В последний день сентября полковник Ф. Парге так описывал погодные условия в России: «Дождь, ветер, снег, заморозки и низкая температура, вот какова сегодня московитская погода»⁵⁶. В тот же день Жорж в письме жене утверждал, что ночью уже были заморозки и образовался довольно внушительный слой инея⁵⁷.

Вслед за пропагандой некоторые французские военачальники и сановники пытались опровергнуть распространенные стереотипы об ужасном российском климате. Так, Маре в письме от 26 октября из Вильно к Макдональду, пересказывая сведения, полученные им от самого императора, утверждал: «Последнее письмо от Его Величества я получил еще из Москвы, оно датировано 18-м числом... Против всех ожиданий, погода очень благоприятная»⁵⁸. Жюно в письме к м-ль Каролин от 16 октября также писал о неожиданно хорошей, весенней, погоде в это время года⁵⁹. Однако в письмах нижних чинов можно найти и несколько иные оценки. Так Э. Мунье сообщал 30 июня из Вильно: «Погода холодная и облачная, как у нас в ноябре»⁶⁰. В конце августа он в другом письме отмечал довольно сильные перепады температур днем и ночью, добавив, что это обычно для России⁶¹, но, судя по всему, он не испытывал еще большого дискомфорта от таких природных условий.

В 28-м и 29-м бюллетенях Великой армии император французов утверждал, что настоящая зима началась внезапно 7 ноября⁶². Однако в частной корреспонденции уже с середины октября участники похода сообщали о выпавшем снеге и холодах. Клод Соала утверждал 13 октября, что первый снег уже выпал⁶³. Его сведения подтверждал генерал Мутон, утверждавший в послании от 14 октября, что снег идет уже два дня⁶⁴. Итасс в послании кузине иронично замечал, что снег доходит до

⁵⁵ Lettres interceptées. 1913. P. 27.

⁵⁶ Lettres interceptées. 1913. P. 61.

⁵⁷ Lettres interceptées. 1913. P. 63.

⁵⁸ Chuquet A. 1912. T. 2. P. 117.

⁵⁹ Lettres interceptées. 1913. P. 165.

⁶⁰ Chuquet. 1912. T. 2. P. 65.

⁶¹ Chuquet. 1912. T. 2. P. 70.

⁶² Moniteur Universel, 1812. NN 334, 352.

⁶³ Lettres interceptées. 1913. P. 336.

⁶⁴ Lettres interceptées. 1913. P. 95.

колен, сковывая движения и мешая шутить⁶⁵. Несмотря на то, что Итасс в своих письмах явно преувеличил силу природных стихий, несомненно одно – холод уже начал давать о себе знать.

В начале ноября холода явно усилились, авторы писем все чаще стали жаловаться на то, что страдают от такой погоды. Маршал Мюрат в начале ноября упоминал о наступлении суровой зимы и говорил, что к такому холоду привыкнуть невозможно⁶⁶. Вопреки тому, что утверждали бюллетени, еще 4 ноября маршал Макдональд писал герцогу Маре о том, что погода ужасно испортилась, как и положено в это время года для подобного климата: уже замерзли некоторые реки⁶⁷. Безусловно, погодные условия в Курляндии, где стояли войска Макдональда, отличались от условий в окрестностях Смоленска, где в тот момент находилась Главная квартира Наполеона. Однако есть свидетельства того, что и в районе действий основных сил Великой армии погода была весьма холодной. Генерал Барагэ д'Ильер 4 ноября писал, что все реки в районе действий его дивизии замерзли до такой степени, что могут выдержать человека⁶⁸. Маршал Мортье в тот же день утверждал, что лично пересек по льду довольно большое и глубокое озеро⁶⁹.

В период, когда основные силы Великой армии подходили к Смоленску, погода заметно ухудшилась. Майор Маршал писал 7 ноября, что снежный покров уже достиг фута и довольно холодно⁷⁰. И с этого времени в корреспонденции можно найти множество упоминаний об обморожениях. Ж. Пюни де Монфор пишет, что получил обморожение, которое доставляет ему много страданий⁷¹. Неизвестный хирург рассказывал о большом числе замерзших насмерть французов, которых нашли на дороге⁷². Состояние фланговых корпусов было немногим лучше. Н. Удино докладывал 16 ноября Бертье, что его корпус не может вести маневренную войну, так как любой переход стоит ему больше людей и лошадей, чем большое сражение⁷³.

Просматривая эти письма можно сделать интересное наблюдение: описывая свои страдания от холодов в России, авторы довольно редко связывали их с отсутствием продовольствия, фуража и теплой одежды. Проследить эту тенденцию можно и на уровне самых высокопоставленных чинов французской армии. Так, маршал Бертье в приказе Вик-

⁶⁵ Lettres interceptées... P. 108–109.

⁶⁶ Lettres interceptées... P. 317.

⁶⁷ Chuquet. 1912. Т. 1. P. 111.

⁶⁸ Lettres interceptées... P. 344.

⁶⁹ Lettres interceptées... P. 238.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 30. Д. 266. Л. 18.

⁷¹ Lettres interceptées... P. 219.

⁷² Lettres interceptées... P. 250.

⁷³ Chuquet 1912. Т. 2. P. 142.

тору отмечал, что «холод убил всех лошадей»⁷⁴. При этом начальник Генерального штаба не упомянул о недостатке фуража и специальных подков как возможной причине массовой гибели конского состава.

Большинство участников похода редко сталкивались в прежней жизни с холодами, подобными российским, но многие имели представление о том, чего ждать зимой в этих широтах, именно поэтому солдаты и офицеры Великой армии массово скупали теплую одежду в период нахождения в Москве. Отголоски того, что традиционные представления о российской зиме были распространены весьма широко, можно найти в письме А. Бейля Ф. Фору от 9 ноября: «Мороз легкий, два или три градуса, но, так как мы в России, каждый убежден, что он замерзает»⁷⁵. Трудности, испытанные французами в 1812 г., еще больше укрепили сложившийся в прежние эпохи образ «холодной России», ибо в восприятии широких слоев населения факты плохого снабжения войск и недостатка теплых вещей ассоциировались с особенностями страны и ее климата, а не со слабой работой интендантской службы.

Авторы мемуаров о Русском походе Наполеона, развивая «климатическую» теорию поражения Великой армии, заявляли, что и лето в России оказалось для них очень тяжелым. Так, майор Булар утверждал, что никогда не страдал от жары так, как в России⁷⁶. И это при том, что его карьера началась еще во времена Революции, и он не один раз сражался в Италии, в том числе летом, а также участвовал в испанской эпопее. От жары под Москвой 9 сентября страдал и офицер итальянской гвардии Цезарь де Ложье⁷⁷.

Очень активно идею о том, что климат стал главным победителем Великой армии в России, развивал в своем произведении Ф. де Сегюр. Постоянно упоминая о погоде, он подводил читателя к мысли, что с самого начала похода французам приходилось больше бороться со стихиями, чем с людьми. При переходе через Неман русская армия не пыталась, по его словам, противостоять неприятелю, и только начавшаяся гроза символизировала те силы, с которыми французы будут бороться в России⁷⁸. В дальнейшем мемуаристы развернули спор между собой о том, была ли гроза в момент перехода французов через Неман⁷⁹. Подобная дискуссия вокруг столь небольшого сюжета, показывает какое значение придавали авторы сочинений о войне 1812 г. фак-

⁷⁴ Chuquet 1912. Т. 2. Р. 219.

⁷⁵ Стендаль 1959. Т. 15. С. 126.

⁷⁶ Boulart 1892. Р. 251.

⁷⁷ Ложье 2005. С. 97.

⁷⁸ Ségur 1823. Т. 1. Р. 109–110.

⁷⁹ Например, Булар соглашался с Сегюром (Boulart 1892. Р. 242), тогда как Бургонь опровергал (Bourgonne 1910. Р. 2.).

тору климата, и потому не могли обойти вниманием любое природное явление, имевшее место в России в 1812 г.

Неоднозначный исход Бородинского сражения Сегюр также связывал с погодой, а точнее «с преждевременной суровостью российской осени»⁸⁰, которая вызвала недомогание императора. Своеобразным резюме отношения Сегюра к погодным условиям в России можно считать его следующие слова: «Таков уж здесь климат! Он состоит из крайностей. Небо либо все иссушает, либо все сжигает или замораживает эту землю со всеми ее жителями, которых оно как будто должно защищать. Коварная жара ослабляла нас и делала более восприимчивыми к холоду, который должен был вскоре дать себя почувствовать»⁸¹.

В отношении времени наступления холодов и их влияния на состояние армии большинство мемуаристов придерживались хронологии бюллетеней, хотя далеко не все из них пытались запугать читателя упоминаниями запредельных температур. Майор Булар подтверждал, что, когда армия подходила к Смоленску, погода сделалась холоднее, но не приводил на этот счет никаких подробностей. По-настоящему сильные морозы, по его мнению, настигли армию только в начале декабря между Молодечно и Сморгонью, когда температура опустилась до 26–28 градусов⁸².

Были и те, кто не старался обвинить во всех бедах Великой армии российский климат, и утверждал даже, что при должной подготовке к холодам можно было избежать многих несчастий. Эти авторы возлагали определенную ответственность за произошедшую трагедию на окружение императора и косвенно на него самого. Так, Коленкур (был в 1807–1811 г. послом в Петербурге) писал, что в сентябре-октябре погода была чрезвычайно теплой для данной местности, о чем говорили даже местные жители, и холода наступали постепенно, давая себя почувствовать со второй половины октября⁸³. По утверждению Каstellана, еще третьего ноября «днем было по-летнему жарко, а ночью – холодно»⁸⁴. Де Ла Флиз называл главной причиной больших жертв среди французских солдат отсутствие теплой одежды и сытного питания⁸⁵.

Таким образом, никто из мемуаристов не опровергал первостепенного значения погоды в поражении Великой армии в России. Но одни авторы концентрировали внимание читателя на стихийных факторах, другие – отмечали, что холодная зима не должна была стать сюр-

⁸⁰ Ségur 1823. Т. 1. P. 305.

⁸¹ Ségur 1823. Т. 1. P. 164.

⁸² Boulart 1892. P. 277.

⁸³ Caulaincourt 1933. Т. 2. P. 42, 54.

⁸⁴ Castellane 1895. Т. 1. P. 180.

⁸⁵ Ла Флиз 2003. С. 60.

призом для французов, и потому большие потери от обморожения стали скорее следствием недостаточной подготовки к суровому сезону. Таким образом, эти критики косвенно выдвигали обвинение в большом количестве жертв против самих французов.

С климатическими стереотипами были тесно связаны и представления о пустынности России. «Мы находимся в пустыне... в холодной стране», – писал интендантский служащий Ф. Шартон⁸⁶. Впечатление о пустынности территорий, по которым в июле-августе проезжал Мунье, было вызвано обилием редких для Франции еловых и березовых лесов⁸⁷. Холодный климат и пустынность России, в представлениях французов, были тесно связаны с бедностью населения и страны как таковой⁸⁸. И даже обстановка весьма изысканных домов высшей московской знати, которые успел еще до пожара посетить А. Бейль, не помогли будущему писателю освободиться от традиционных стереотипов восприятия: «Мы прошли через великолепную конюшню и сад, который был бы прекрасен, если бы на деревьях этой страны не лежал, на мой взгляд, неизгладимый отпечаток бедности»⁸⁹.

Сочинения философов, путешественников и литераторов XVIII в. о России получили распространение преимущественно в среде интеллектуальной и политической элиты Франции, тогда как широкие слои населения имели подчас очень скудные представления о Российской империи. После Революции и Наполеоновских войн растиражированные пропагандой и последующими мемуарными сочинениями представления о России распространились в обществе намного шире. Большое число участников похода, которые на правах очевидцев могли считаться окружающими квалифицированными экспертами, способствовало распространению этих представлений в Европе.

При объяснении причин поражения похода 1812 года в Россию устоявшиеся за многие годы стереотипные представления о российской географии и климате были очень удачно использованы наполеоновской пропагандой. Все попытки их корректировки были забыты, и неожиданная и суровая русская зима, заставшая солдат Наполеона в пустынной местности, была названа главным противником Великой армии в период кампании 1812 г. Такая трактовка событий, выстроенная в 28 и 29 бюллетенях Великой армии, поддерживала миф о непобедимости Наполеона и надолго закрепила в общественном мнении Франции и

⁸⁶ Lettres interceptées... P. 49.

⁸⁷ Chuquet 1912. T. 2. P. 68.

⁸⁸ Lettres interceptées... P. 173.

⁸⁹ Стендаль 1959. T. 15. С. 114.

всей Европы. Многочисленные заявления мемуаристов, да и самого императора о том, что погода в тот год сильно отличалась от обычной для этой местности, порождены лишь желанием французов оправдать собственное поражение чрезвычайными условиями, которые, якобы, невозможно было предсказать. Тем не менее, в реальности Наполеон еще в начале 1812 г. обладал весьма точными описаниями русской зимы, основанными на многолетних наблюдениях, и реальная погода второй половины 1812 г. довольно точно совпала с этими описаниями.

Несмотря на значительное количество материалов о России, ее географии, климате и общественном устройстве, она предстает на страницах мемуаров о походе 1812 г. во многом мифологизированной. Война против такой страны становится эпическим событием, которое по значению стоит сравнивать с Троянской войной, походами древних римлян и крестоносцев. «Цивилизованные» французы вынуждены сражаться здесь не только с людьми, но и с многочисленными стихиями (сперва жарой, потом морозами и снегом), дикими животными (медведями и волками), а также преодолевать огромные и пустынные пространства. Дикость и варварство русских также становятся одной из стихий, с которыми пришлось бороться солдатам Великой армии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Письма французских солдат, перехваченные русской армией во время войны 1812 года. РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 266.
- Le Moniteur Universel (1811–1812).
Service historique de la Défense à Vincennes, Фонд 1М. Картоны 1488–1489.
- Адауров В. Война цивилизаций. Социокультурная история русского похода Наполеона. Том 1: Религия – Язык. Киев: Лаурис, 2017. 400 с.
- Адауров В.В. От ментальной картографии к военной топографии: представления французов о восточноевропейском пространстве накануне кампании 1812 г. (на примере юго-западных окраин Российской империи // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы. М., 2011. С. 21–42.
- Адауров В. «Наполеонида» на Сході Європи: Уявлення, проекту та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку ХІХ ст. Львів, 2007. 560 с.
- Безотосный В.М. Наполеоновские разведывательные службы в военной кампании 1812 г. // Новая и новейшая история. 2004, № 4. С. 190–202.
- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. 548 с.
- Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. 4 т. СПб., 1799.
- Захарчук О.Н. Элементы мифологизации наполеоноведения в современной постсоветской науке // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы. М., 2011. С. 72–91.
- Земцов В.Н. Начало войны между Францией и Россией в 1812 году (по французским архивным документам) // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 18–32.
- Иелин Х.Ф. фон, Записки офицера армии Наполеона // Роос Г.У. С Наполеоном в Россию: записки врача Великой армии. М., 2003.

- Коленкур А. Мемуары. Таллинн, Москва, 1994. 450 с.
- Ла Флиз де. Поход Наполеона в Россию в 1812 г. М., 2003. 166 с.
- Ложье П. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. М., 2005. 279 с.
- Михайлова Ю.Л., Промыслов Н.В. Сведения французской разведки о прибалтийских губерниях Российской империи в 1812 году (по материалам Военного архива сухопутных сил Франции) // Россия и Балтия. Вып. 7. М., 2015. С. 64-80.
- Попов А.И. Инженеры-географы Великой армии в кампании 1812 г. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. 10. М., 2010. С. 100-118.
- Промыслов Н. В., Прусская Е. А., Митрофанов А. А. «Русская угроза» во французской прессе конца XVIII – начала XIX вв. // Французский ежегодник 2015: К 225-летию Французской революции. М. 2015. С. 346-347.
- Промыслов Н.В. Сведения французской разведки о Московской губернии в 1812 году в материалах Военного архива сухопутных сил Франции // "Сей день пребудет вечным памятником..." Бородино 1812-2012: Материалы Международной научной конференции, 3–7 сентября 2012 г. Можайск, 2013. С. 195–210.
- Репина Л.П. "Национальный характер" и "образ Другого" // Диалог со временем 2012. №39. С. 9-19.
- Роос Г.У. С Наполеоном в Россию: записки врача Великой армии. М., 2003. 206 с.
- Сегор Ф. Поход в Россию: мемуары адъютанта. М., 2002. 284 с.
- Стендаль. Собрание сочинений в 15 томах. Том 15. Письма. М.: «Правда», 1959. 368 с.
- Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 г. М., 1967. 222 с.
- Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 336–365.
- Boulart J.F. Mémoires militaires. Paris, 1892. 370 p.
- Bourgogne A.J.B. Mémoires du sergent Bourgogne. 1812-1813. Paris, 1910. 356 p.
- Castellane B. de. Journal du marechal de Castellane: 1804-1862. T. 1 1804-1823. P., 1895. 478 p.
- Caulaincourt A. Mémoires du général de Caulaincourt, duc de Vicence, Grand écuyer de l'Empereur. T. 1–3. Paris, 1933.
- Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. Notes et documents. Paris, 1912.
- Du Niémen à la Bérézina. Lettres et témoignages de soldats français sur la campagne de Russie. Ed. par M. Roucaud et François Houdecek. Paris, 2012. 312 p.
- Ehrmann T.F. Neueste Länder und Völkerkunde, ein geographisches Lesebuch für alle Stände. III Band. Russland. Weimar, 1807. 598 p.
- Hassel J.G.H. Statistische Uebersichts-Tabellen der sämtlichen Europäischen und einiger aussereuropäischen Staaten. Goettingen, 1809. 300 p.
- Les cahiers du capitaine Coignet (1799–1815) / publ. par Lorédan Larchey. Paris, 1883. 491 p.
- Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. par S.E.M. Goriainow. Paris. 1913. 442 p.
- Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIII-e siècle et la Russie: Le mirage russe en France au XVIII-e siècle. P., 1951. 451 p.
- Petri J.Ch. Neuestes Gemähde von Lief- und Ehistland, unter Katharina II. und Alexander I. in historischer, statistischer, politischer und merkantilischer Ansicht. Auch als ein Beytrag zur Kenntniss des Russischen Reichs. Leipzig, 1809. 646 p.
- Segur Ph.P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. Paris, 1824.
- Storch H. Statistische Übersicht der Statthalterschaften des russischen Reichs nach ihren merkwürdigsten Kulturverhältnissen. Riga, 1795. 133
- Storch H. Historisch-statistische Gemälde des russischen Reichs. Riga, 1797–1803; Rußland unter Alexander I. St. Petersburg, 1803–1811.
- Wichelhausen Engelbert, Züge zu einem Gemähde von Moskwa in Ansicht auf Klima, Cultur, Sitten, Lebensart, Gebräuche, vorzüglich aber statistische, physische und medicinische Verhältnisse, Berlin, 1803. 158 S.
- Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Standford University Press, 1994. 456 p.

REFERENCES

- Pisma frantsuzskikh soldat. perekhvachennyye russkoy armiyey vo vremya voyny 1812 goda. RGADA. F. 30. Op. 1. D. 266.
- Le Moniteur Universel (1811–1812).
- Service historique de la Défense à Vincennes, Fond 1M. Cartons 1488–1489.
- Adadurov V. «Napoleonida» na Skhodi Evropi: Uvavlennya. proyekta ta diyalnist uryadu Frantsii shchodo pivdenno-zakhidnikh okrain Rosiyskoi imperii na pochatku XIX st. Lviv. 2007. 560 s.
- Adadurov V. Voyna tsivilizatsiy. Sotsiokulturnaya istoriya russkogo pokhoda Napoleona. Tom 1: Religiya – Yazyk. Kiyev: Laurus. 2017.
- Adadurov V.V. Ot mentalnoy kartografii k voyennoy topografii: predstavleniya frantsuzov o vostochnoyevropeyskom prostranstve nakanune kampanii 1812 g. (na primere yugo-zapadnykh okrain Rossiyskoy imperii // Napoleonovskiyey voyny na mentalnykh kartakh Evropy: istoricheskoye soznaniye i literaturnyye mify. M.. 2011. S. 21-42.
- Bezotsonnyy V.M. Napoleonovskiyey razvedyvatelnyye sluzhby v voyennoy kampanii 1812 g. // Novaya i noveyshaya istoriya. 2004. № 4. S. 190-202.
- Boulart J.F. Mémoires militaires. Paris, 1892.
- Bourgogne A.J.B. Mémoires du sergent Bourgogne. 1812-1813. Paris, 1910.
- Castellane B. de. Journal du maréchal de Castellane: 1804-1862. T. 1 1804-1823. P., 1895.
- Caulaincourt A. Mémoires du général de Caulaincourt, duc de Vicence, Grand écuyer de l'Empereur. T. 1–3. Paris, 1933.
- Chudinov A.V. S kem voyeval russkiy muzhik v 1812 godu? Obraz vruga v massovom soznanii // Frantsuzskiyey ezhegodnik 2012: 200 let Otechestvennoy voyny 1812 goda. M., 2012. C. 336–365.
- Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. Notes et documents. Paris, 1912.
- Du Niémen à la Bérézina. Lettres et témoignages de soldats français sur la campagne de Russie. Ed. par M. Roucaud et François Houdecek. Paris, 2012. P. 51.
- Ehrmann T.F. Neueste Länder und Völkerkunde, ein geographisches Lesebuch für alle Stände. III Band. Russland. Weimar, 1807.
- Georgi I.-G. Opisaniye vseh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov. obyknoveniy. odezhd. zhilishch. upravneniy. zabav. veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey. SPb.. 1799. T. 1-4.
- Hassel J.G.H. Statistische Uebersichts-Tabellen der sämtlichen Europäischen und einiger aussereuropäischen Staaten. Goettingen, 1809.
- Ielin Kh.F. fon. Zapiski ofitsera armii Napoleona // Roos G.U. S Napoleonom v Rossiiyu: zapiski vracha Velikoy armii. M.. 2003.
- Kolenkur A. Menuary. Tallinn. Moskva. 1994.
- La Fliz de. Pokhod Napoleona v Rossiiyu v 1812 g. M.. 2003.
- Les cahiers du capitaine Coignet (1799–1815) / publ. par Lorédan Larchey. Paris, 1883.
- Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / S.E.M. Goriainow. P., 1913.
- Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIII-e siècle et la Russie: Le mirage russe en France au XVIII-e siècle. P., 1951.
- Lozhye Ts. Dnevnik ofitsera Velikoy armii v 1812 g. M.. 2005.
- Mikhaylova Yu.L., Promyslov N.V. Svedeniya frantsuzskoy razvedki o pribaltiyskikh guberniyakh Rossiyskoy imperii v 1812 godu (po materialam Voyennogo arkhiva sukhoputnykh sil Frantsii) // Rossiya i Baltiya. Vyp. 7. M.. 2015. S. 64-80.
- Petri J.Ch. Neuestes Gemähle von Lief- und Ehstland, unter Katharina II. und Alexander I. in historischer, statistischer, politischer und merkantilischer Ansicht. Auch als ein Beytrag zur Kenntniss des Russischen Reichs. Leipzig, 1809.
- Popov A.I. Inzheneriy-geografy Velikoy armii v kampanii 1812 g. // Epokha 1812 goda: Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya. Vyp. 10. M.. 2010. S. 100-118.
- Promyslov N. V., Prusskaya E. A., Mitrofanov A. A. «Russkaya ugroza» vo frantsuzskoy presse kontsa XVIII – nachala XIX vv. // Frantsuzskiyey ezhegodnik 2015: K 225-letiyu Frantsuzskoy revolyutsii. M. 2015. C. 346-347.

- Promyslov N.V. Svedeniya frantsuzskoy razvedki o Moskovskoy gubernii v 1812 godu v materialakh Voennoy arkhiva sukhoputnykh sil Frantsii // "Sey den prebudet vechnym pamyatnikom..." Borodino 1812-2012: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 3-7 sentyabrya 2012 g. Mozhaysk. 2013. S. 195-210.
- Repina L.P. "Natsionalnyy kharakter" i "obraz Drugogo" // Dialog so vremenem 2012. № 39. S. 9-19.
- Roos G.U. S Napoleonom v Rossiyu: zapiski vracha Velikoy armii. M., 2003.
- Segur Ph.P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. Paris, 1824.
- Segur F. Pokhod v Rossiyu: memuary adyutanta. M., 2002.
- Stendal. Sobraniye sochineniy v 15 tomakh. Tom 15. Pisma. M.: «Pravda». 1959.
- Storch H. Historisch-statistische Gemälde des russischen Reichs. Riga, 1797-1803; Rußland unter Alexander I. St. Petersburg, 1803-1811.
- Storch H. Statistische Übersicht der Statthalterschaften des russischen Reichs nach ihren merkwürdigsten Kulturverhältnissen. Riga, 1795.
- Tartakovskiy A.G. Voyennaya publitsistika 1812 g. M., 1967. S. 188.
- Vulf L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya. M., 2003.
- Wichelhausen Engelbert. Züge zu einem Gemälde von Moskwa in Ansicht auf Klima, Cultur, Sitten, Lebensart, Gebräuche, vorzüglich aber statistische, physische und medicinische Verhältnisse, Berlin, 1803. 158 S.
- Zakharchuk O.N. Elementy mifologizatsii napoleonovedeniya v sovremennoy postsovetsoy nauce // Napoleonovskiyey voyny na mentalnykh kartakh Evropy: istoricheskoye soznaniye i literaturnyye mify. M., 2011. S. 72-91.
- Zemtsov V.N. Nachalo voyny mezhdru Frantsiyyey i Rossiyyey v 1812 godu (po frantsuzskim arkhivnym dokumentam) // Novaya i noveyshaya istoriya. 2017. № 5. S. 18-32.
- Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford University Press, 1994. 456 p.

Промыслов Николай Владимирович, кандидат исторических наук, проректор Государственного академического университета гуманитарных наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; npromyslov@list.ru

The role of geographical factors in the construction of the memory of the French about the campaign to Russia in 1812

In the early 19th century, Russia still remained a country little-known to Europeans; travelers and explorers from Europe did not often have the opportunity to investigate the various corners of the empire. A lot of materials were collected on the eve of the war in 1812 by the French intelligence on the geography of Russia. These materials, combined with the impressions of the participants in the campaign and some stereotype viewings, which had existed before 1812, formed the basis for the French presentation of the role of geographical factors at the Napoleon's defeat in Russia. The article analyzes the mechanisms of interaction of information from literature, analytical intelligence materials and personal letters in the formation of historical memory of the war of 1812 in France.

Keywords: Napoleon's Russian campaign 1812, public opinion, geography of Russia, cross-cultural communications

Promyslov Nikolay Vladimirovich, PhD (History), Vice-Rector, State Academic University for the Humanities, research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; npromyslov@list.ru